

большей частью не в западных областях, а в Хмельницкой и Житомирской. Среди районов расселения греков названа лишь Украина. Но в УССР живет 107 тыс. из 337 тыс. греков (32%), в Грузии — 89 тыс. (свыше 26%), в РСФСР — еще 58 тыс. (17%). Невразумительно написано «о греках-татарах» и «греках-эллинах» в Крыму (с. 211). Из районов расселения болгар в СССР названы Кировоградская и Николаевская области, Северный Кавказ и Казахстан, где болгар очень мало, но не упомянута Молдавия, где живут 74 тыс. болгар из 351 тыс. Румыны на Украине живут не в Черниговской области (с. 211), а в Черновицкой.

При характеристике национальных групп указывается лишь доля лиц, считающих родным язык своей национальности, и доля лиц, владеющих русским языком. Остается неясным, какой же язык является родным для основной части греков, чехов и словаков, примерно половины поляков и трети немцев, болгар и румын, живущих в СССР.

Нельзя обойти также многочисленные опечатки в тексте книги, которые искажают смысл, и не всегда читатель может догадаться о правильном чтении термина, названия, имени. По-видимому, на с. 150 речь идет не об эвенках, а об эвенах, на с. 25 — о русско-ненецком словаре, а не русско-немецком. Самоназвание балкарцев в переводе на русский язык — «горцы», а не «торцы» (с. 133). Мегрело-чанский язык на с. 179 назван мегрело-ганским, якобитское вероисповедание — «якобинским» (с. 209). Газета «на диалекте уфимских марийцев» вряд ли могла издаваться в Бийске (с. 163), т. е. в Сибири; возможно, имеется в виду Бирск. К сожалению, список опечаток можно продолжать: на с. 106 — «кагап» вместо «кагал», на с. 147 — «Намоараев» вместо «Намсараев», на с. 111 — «крагасы» вместо «карагасы», на с. 163 — «уркумский» диалект вместо «уржумский» и т. д.

Как это ни удивительно, ряд опечаток перекочевал из издания 1970 г.

Такое количество неточностей и ошибок в III главе, при всех достоинствах первой части книги, не может не снизить ее научное и познавательное значение.

Б. П. Супрунович

Н. А. Томилов. *Современные этнические процессы среди сибирских татар.* Отв. редактор И. С. Гурвич. Томск, 1978, 208 с.

Современные этнические процессы, развивающиеся в условиях научно-технической революции, привлекают все большее внимание представителей различных социальных дисциплин, в первую очередь этнографов и социологов. Изучение этнических процессов тесно связано с применением достаточно сложного математического аппарата для анализа как состояния этноса в целом, так и отдельных его компонентов. Если до недавнего времени рассматривались преимущественно вопросы о том, каковы природа и пути развития этнических процессов, то теперь появилась возможность измерить уровни происходящих изменений в структуре различных этносов на протяжении их существования. Анализ этих изменений носит ярко выраженный количественно-качественный характер при строго историческом подходе к этносу как системе. Такое разностороннее изучение этнических процессов позволило подойти к созданию сводной монографии, посвященной современным этническим процессам в СССР и уже выдержавшей за сравнительно короткий период два издания¹.

Однако различные типы современных этнических процессов еще недостаточно четко дифференцированы, что, несомненно, затрудняет дальнейшее конкретное изучение их содержания и сущности. Между тем это особенно необходимо на современном этапе, когда интенсивность этнических процессов в нашей стране в условиях развития новой исторической общности — советский народ — неуклонно возрастает. В рамках этой общности все больше аккумулируются интернациональные черты, и на базе межэтнической интеграции происходит взаимодействие социалистических наций и народностей, ведущее к появлению некоторых общих характерных черт у разных этносов.

Несомненный интерес для плодотворной разработки ряда вопросов типологии современных этнических процессов представляет книга сибирского этнографа Н. А. Томилова «Современные этнические процессы среди сибирских татар».

Сибирские татары до настоящего времени остаются в этнографическом плане одним из наименее изученных народов Сибири, хотя в их географическом размещении с момента присоединения Сибирского ханства к России существенных изменений не произошло. Численность татарского населения на основной территории коренных сибирских татар в пределах современной Тюменской, Томской, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей в переписях населения обычно дается суммарно, т. е. без выделения собственно сибирских татар. В 1970 г. она составила уже 191,2 тыс. чел., в то время как численность коренных сибирских татар в средней лесостепной полосе Западной Сибири определяется в настоящее время специалистами около 100 тыс. чел. Усилиями лингвистов-тюркологов проведено лишь сравнительно полное описание языка различных территориально-этнических групп этих татар.

¹ См. «Современные этнические процессы в СССР». М., 1977.

Автором обработан уникальный материал, собранный лично им и при его непосредственном участии. Материал получен при обследовании различных групп сибирских татар Этнографической экспедицией проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета (1969—1973 гг.) и Западно-сибирской историко-этнографической экспедицией Омского государственного университета (1974—1976 гг.). При сборе материала автор сочетал практически все методы этнографии и социологии.

С завидным умением в работе Н. А. Томилова реализованы проявившиеся на современном этапе развития этнографической науки возможности резкого увеличения объема этнографической информации. Широко использованы данные этносоциологического опроса 5700 сибирских татар, компактно представленные в виде 70 таблиц в приложении к книге. Основным рабочим инструментом для такого опроса послужил вопросник, разработанный в Институте этнографии АН СССР для изучения современных этнических процессов в Татарской АССР² и несколько переработанный применительно к исследованиям в Сибири. Материал по сельскому и городскому массивам населения разрабатывался раздельно. В соответствии с делением сибирских татар на тобольско-иртышских, барабинских и томских сбор данных осуществлялся по всем этим трем крупным этнографическим группам, проживающим в Тюменской, Томской, Новосибирской и Кемеровской областях Западной Сибири. Важное место занимают в исследовании статистические материалы различного рода (выписки из похозяйственных книг, данные архивов загсов, сведения местных органов Союзпечати о распространении периодических изданий, материалы о деятельности школ, библиотек и сельских клубов и т. д.), а также всякого рода архивные и музейные документальные материалы. Выявлен, в частности, генеалогический материал (родословные) среди томских и барабинских татар. Таким образом, использован еще один обширный источник для изучения целого комплекса вопросов, связанных с происхождением и этнической историей этих групп. Обработка генеалогических схем дает полную картину соотношения коренных сибирских и пришлых татар (см., например, с. 69, 70).

Во введении к книге определена основная проблема исследования, охарактеризованы источники и методика сбора материала. Подробного историографического обзора работ, затрагивающих в той или иной степени различные вопросы этнической истории и современных этнических процессов у сибирских татар, в монографии нет; автор отсылает читателя к своей статье, посвященной этим проблемам³.

В первой главе (с. 23—60) дается общая характеристика этнических процессов у сибирских татар в дореволюционный период. Как известно, к приходу русских в Западную Сибирь значительная часть тюркоязычного населения средней полосы этого региона входила в состав Сибирского татарского ханства, в рамках которого начался процесс формирования отдельных этнических групп и сложились предпосылки для объединения тюркоязычного населения в народность. Как пишет Н. А. Томилов, с включением бывшего Сибирского ханства и соседних с ним территорий в состав Российского государства процесс консолидации сибирских татар продолжался, хотя и относительно медленно. Дело в том, что «в противовес консолидации действовала другая тенденция — широкая расселенность сибирских татар, слабые экономические связи способствовали консервации языковых и культурно-бытовых особенностей на длительные промежутки времени и препятствовали углублению процесса консолидации» (с. 35). Наплыв русского населения, говорит автор, привел к некоторому сужению территории расселения сибирских татар, появились разрывы между местами обитания отдельных этнических групп татар. Вместе с тем проанализированные в первой главе историко-этнографические сведения и понимание автором любого изменения того или иного компонента этноса как этнического процесса позволили проследить на протяжении веков эволюцию этнической общности сибирских татар в качестве иерархического явления. Поэтому вполне мотивированно представляется утверждение о том, что языковая консолидация способствовала созданию диалектов смешанного типа, общему сближению их между собою, которое привело к формированию совокупности близкородственных диалектов, составивших язык этнической общности сибирских татар (с. 38). Автор обосновывает это положение ссылкой на мнение известной исследовательницы языка сибирских татар Д. Г. Тумашевой⁴. Вместе с тем Н. А. Томилов отмечает существенную роль этнического самосознания в функционировании этноса сибирских татар; им приводится большой конкретный материал о последовательной смене этнического самосознания у отдельных групп коренного татарского населения Сибири и закреплении в качестве самоназвания сибирских татар этнонима «татары» («сибирские татары»). Н. А. Томилов вполне отдает себе отчет в том, что эти изменения издавна были обусловлены как межэтническими контактами (еще в дореволюционный период сибирские татары активно контактировали с русскими, с выходцами из Средней Азии, так

² «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973, с. 316—330.

³ Н. А. Томилов. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе. — «Этнокультурные явления народов Западной Сибири». Томск, 1978.

⁴ Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. М., 1969, с. 7—8.

называемыми «бухарцами», с хантами и др.), так и внутриэтническими и внеэтническими факторами.

Основным изменениям в расселении и численности сибирских татар за годы Советской власти посвящена вторая глава книги (с. 61—71). «Новые складывающиеся условия советской действительности в послереволюционный период ускорили развитие этнических процессов среди западносибирских татар», — пишет автор (с. 72). По существу, этнические процессы предстали как выражение и конкретная форма социальных процессов. Действительно, большие изменения, которые произошли за годы Советской власти в хозяйстве, культуре и быте сибирских татар, связаны прежде всего с общим социалистическим переустройством жизни в нашей стране. Вполне обоснованным представляется вывод Н. А. Томилова в третьей главе, посвященной консолидационным процессам среди сибирских татар в советский период (с. 72—106), о том, что «в связи с общими интеграционными процессами в СССР, распространением форм общесоветской культуры и быта во многих сторонах материальной культуры, а отчасти и в семейном и общественном быте, в духовной культуре ослабла этническая специфика» (с. 77, 78). Этому способствовали, по мнению Н. А. Томилова, объективные процессы, и прежде всего урбанизация большей части сибирских татар ввиду того, что многие их деревни оказались расположенными близ крупных городов, с населением которых татары связаны экономическими, культурными и родственными узами. Состояние отдельных параметров материальной и духовной культуры сибирских татар и их изменение с конца XIX в. по настоящее время обстоятельно показаны с помощью соответствующих таблиц. Протекающие в современных условиях этнокультурные процессы, несомненно, сопряжены с последовательной интернационализацией культуры и быта сибирских татар.

Несомненным достоинством работы является то, что ее автор обращает внимание на противоречивый характер динамики современного этнокультурного развития сибирских татар. С одной стороны, по его мнению, «это привело к тому, что в настоящее время сибирские татары входят в целом в татарскую этническую общность на этнолингвистическом уровне, видимо, как ее особая региональная этническая общность и являются частью всех татар СССР» (с. 103). Процесс консолидации с татарским национальным языком охватил всю систему диалектов и говоров сибирских татар, которые, правда, по-разному соотносятся с ним. С другой стороны, в книге довольно широко «выявляются тенденции дальнейшего увеличения роли русского языка, культуры, обычаев, обрядов в жизни сибирских татар, усиления контактов их с русскими в производстве, общественном и семейном быте, тенденции роста смешанных татарско-русских браков, предпочтения подростками — выходцами из смешанных семей русской национальности и др.» (с. 126). Как показывает фактический материал четвертой главы, озаглавленной «Процесс сближения сибирских татар с русскими на современном этапе» (с. 107—128), контакт с русскими и адаптация, а точнее аккумуляция их культуры сибирскими татарами, означают не просто взаимодействие культур этих двух национальностей, а трансмиссию русскими и русской культурой общесоветской культуры и в известной мере прогрессивной мировой культуры.

Следует отметить исключительную добросовестность автора, обосновывающего каждое свое положение многократно проверенным на различных источниках материалом. Н. А. Томилов проявляет большую осторожность в интерпретации своих источников и в ряде случаев воздерживается от категорических суждений. Используя в своей работе количественные показатели, Н. А. Томилов не абсолютизирует их. В частности, при выявлении характерных черт функционирования и эволюции этноса сибирских татар, которые подобно многим социальным закономерностям не могут проявиться иначе как, «в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону»⁵, обращает на себя внимание то, что этнокультурные процессы среди городских и сельских татар обнаруживают почти во всех показателях значительную разницу, свидетельствующую о более интенсивном развитии этнических процессов в условиях города. Замечу, что изучением современных этнических процессов среди национальных городских групп Сибири до сих пор никто специально вообще не занимался. Между тем в городах второе место по численности после русских занимают именно татары. Общая численность городских татар Сибири, по данным переписи 1970 г., — 265 тыс. чел., из них 143 тыс. проживало в городах Западной Сибири (с. 129). Современным этническим процессам среди городских татар Западной Сибири и посвящена заключительная, пятая глава книги Н. А. Томилова (с. 129—148). Сделанные в этой главе, как и во всей книге в целом, тонкие наблюдения еще не раз могут быть использованы в качестве исходной информации исследователями общей теории этнических процессов (например, констатация на с. 141 прорыва эндогамности среди компактной в прошлом группы татар г. Томска и т. п.).

Книга написана доступным для широкого читателя языком. С поставленными перед собой задачами автор справился и дал оригинальное исследование по актуальной проблеме, имеющей важное научное и практическое значение.

Однако книга не лишена и некоторых недостатков. Во введении Н. А. Томилов утверждает, что «до сих пор не вполне ясен вопрос о татарском этносе» (с. 6). Татар-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 68.

ская социалистическая нация — одна из самых многочисленных наций Советского Союза. Общее число татар в 1970 г. составило почти 6 млн. чел. (в 1979 г. — 6 млн. 317 тыс. чел.). В Российской Федерации татары являются второй по численности нацией после русских. При этом 55% всех татар проживают в городах. Характерно, что, если на территории расселения собственно сибирских татар доля татар-горожан в 1970 г. составила 40,8% от всего проживающего здесь татарского населения, то в остальной Сибири, включая Восточную Сибирь и Дальний Восток, она соответственно достигла 72,9%. Автору следовало бы, на наш взгляд, более подробно и обстоятельно охарактеризовать иерархию этнических общностей внутри татарского этноса, особенно тех его этнических подразделений, в пределах которых с наибольшей интенсивностью проявляются соответствующие этнические свойства. Автор, как правило, пользуется бытующими в литературе определениями — поволжские, казанские, уфимские (башкирские) татары, мишари, приуральские, пришлые татары и др. При этом в книге не определены объем, состав и взаимоотношения этих групп между собой. Более четкое терминологическое разграничение различных уровней этнической иерархии татар (собственно этнические и этносоциальные единицы), из которых только одна четвертая часть проживает в Татарской АССР, безусловно важно для правильного понимания происходящих среди татар, в том числе и сибирских, этнических процессов и роли в этих процессах Татарской АССР. Из мемуаров первого председателя Совнаркома Татарской республики С. Саид-Галева известно, что еще при провозглашении Татарской АССР в 1920 г. В. И. Ленин поставил вопрос: «В какой мере сможет Татреспублика оказывать культурно-просветительное влияние на татар, оставшихся по своей распыленности вне границ Татреспублики?»⁶. Приятно отметить, что в рецензируемой книге предпринята попытка проследить степень и характер языкового и культурного влияния Татарской АССР на сибирских татар (см. главу III). В своей работе Н. А. Томилов старается учесть высказывание В. И. Ленина, сделанное еще на заре Советской власти, о том, что «для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы „тяготеть“ и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара»⁷. Само собой разумеется, что методика и способы изучения такого влияния будут или могут быть уточнены. Вместе с тем факт признания сосуществования в настоящее время у сибирских татар самоназваний различного уровня неправомерно рассматривать, как это делается на с. 87, в качестве свидетельства «их некоторой неустойчивости и слабой консолидированности как этнической общности». Очевидно, этнической общности сибирских татар, как и любому этносу, присуще диалектически противоречивое единство его интегрирующих и дифференцирующих свойств, и в соответствии с общепринятыми в современной советской этнографической литературе представлениями об этнической общности как иерархическом явлении⁸ можно говорить о разных таксономических уровнях общности сибирских татар и соответственно более четко различать особенности этнических процессов на том или ином уровне.

Оценивая монографию Н. А. Томилова в целом, следует отметить, что это солидное научное исследование, открывающее новую страницу в изучении этнической истории сибирских татар. Этнографическая литература по народам СССР пополнилась трудом, содержащим огромный массив цифровой и фактический материал, к которому еще не раз будут обращаться исследователи проблем населения Западной Сибири и общей теории этнических процессов.

Мы хорошо знаем, насколько ценными для сравнительно-исторического языкознания оказались любые сохранившиеся памятники исчезнувших языков, а также сделанные исследователями в свое время синхронные срезы более ранних состояний существующих ныне языков. Советская этнографическая наука направляет свои усилия на выяснение сущности современных этнических процессов. Своевременное целостное описание этноса, позволяющее представить изменение тех или иных данных в виде динамических рядов, как это сделано в книге Н. А. Томилова, дает возможность высказать ряд суждений прогнозистического характера. Это тем более важно, что в связи с неизбежностью постоянного изменения этнокультурной информации утрата сведений именно об исчезнувших элементах, характерных для той или иной стадии развития этноса, может оказаться невосполнимой потерей для науки. Приходится сожалеть, что книга вышла небольшим тиражом (750 экз.). Широкий круг исследуемых в ней вопросов, новизна материалов о сибирских татарах, слабо изученных в этнографическом и этносоциологическом отношении, делают ее интересной не только для этнографов и социологов, но и для широкого круга историков, лингвистов, географов.

Ш. Ф. Мухамедьяров

⁶ См. «В. И. Ленин и Татария. Сборник документов, материалов и воспоминаний». Казань, 1970, с. 339.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148, 149.

⁸ См. Ю. В. Бромлей. К типологизации этнических процессов. — «Проблемы типологии в этнографии». М., 1979, с. 3—11.